

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА С СОГЛАСИЯ ЛИЦА ИЛИ ПО ЕГО ПРОСЬБЕ

А.В. Савинов,
профессор Калужского филиала РПА
Минюста России,
кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются условия привлечения к уголовной ответственности за причинение различного вреда с согласия лица или по его просьбе; подробно исследуются ситуации причинения смерти по просьбе потерпевшего.

The article discusses the context of criminal liability for causing various damage, with the consent of the person or at his request; investigated in detail the situation of causing death at the request of the victim.¹

Следственно-судебная практика сталкивается с ситуациями, при которых деяние лица, содержащее признаки того или иного состава преступления, совершается с согласия потерпевшего лица или по его просьбе, с четкими и понятными обеим сторонам правоотношения согласованными пределами такого вреда, причиненного объекту уголовно-правовой охраны. В этой связи, необходимо учитывать указанные особенности основания уголовной ответственности за вред, причиненных в таких обстоятельствах; либо условия, наличие которых будет устранять преступность вредоносного деяния.

При этом, *согласие лица на причинение ему вреда* следует понимать как утвердительный ответ (разрешение) на предложение со стороны иного лица причинить вред охраняемым уголовным законом социальным благам (правам) или интересам первого лица. Также согласие может иметь форму взаимной договоренности о совершении вредоносных действий (бездействия) в виде устного или письменного соглашения с причинителем вреда или иным лицом. Как правило, предложение о причинении вреда поступает непосредственно от того лица, которое впоследствии и совершает соответствующее деяние. Однако, допустимы ситуации, когда предложение или взаимная договоренность о причинении вреда следуют от иного управомоченного лица (третьей стороны), непосредственно не участвующей в причинении вреда. Например, предложение о трансплантации органа ребенку, сделанное его матери, может поступить от главного врача больницы, а фактически операцию по трансплантации органа или ткани проводит хирург-трансплантолог.

---

¹ Savinov A., Criminal liability for infliction of harm with the consent of the person or at his request

Просьба лица о причинении ему вреда представляет собой обращение к другому лицу, призывающее удовлетворить желание лица причинить вред его правам и интересам. Мотивация такого желания может быть различной: стремление оказать помощь другому лицу или группе лиц, соблюдение требований религиозных обрядов, желание проверить собственный организм на выносливость и т.п. Важно, чтобы такая мотивация не носила противозаконный характер и не была направлена на нарушение прав и интересов других лиц. Просьба лица о причинении ему вреда, в отличие от согласия лица, представляет собой активное поведение, что на практике встречается реже в силу очевидных психологических причин (нежелание зла самому себе). Однако, это не устраняет возможности рассмотрения просьбы в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния.

В силу различного грамматического толкования терминов «согласие» и «просьба», мы считаем необходимым рассматривать оба названных термина как равнозначные, но не тождественные, употребляя их через разделительный союз «или».

Во многих ситуациях причиненный при наличии согласия или просьбы лица вред охраняемым уголовным законом социальным ценностям признается правомерным, несмотря на отсутствие данного вида обстоятельств, исключающих преступность деяния, в главе 8 УК РФ. Судебная практика вынуждена учитывать этот пробел уголовного законодательства, разрешая такие правовые коллизии на основе принципа целесообразности. Так, например, признается правомерным вред здоровью, причиненный донору при трансплантации его органа; вред, причиненный с согласия лица интересам неприкосновенности его частной жизни в ходе осуществления оперативно-розыскной, частной детективной или иной деятельности и т.п.

Однако, жизненных обстоятельств, в которых могут совершаться действия, причинившие вред охраняемым уголовным законом правам и интересам лица по его просьбе либо с согласия, великое множество. Данные обстоятельства могут затрагивать разнообразные сферы общественных отношений: медицинских, спортивных, религиозных, гражданско-правовых, научно-экспериментальных, сексуальных и т.п. И в каждом случае необходимо индивидуально определять пределы правомерности причинения вреда, превышение которых должно влечь уголовную и иную ответственность.

Представляется, что установление пределов правомерности причинения вреда в рассмотренных обстоятельствах необходимо осуществлять путем формального определения признаков конкретного вреда, причиненного с согласия или по просьбе лица.

На наш взгляд, необходимо безоговорочно согласиться с точкой зрения о признании неправомерным причинения смерти с согласия или по просьбе лица. Однако, данный вопрос рассматривается в юридической доктрине преимущественно с позиции эвтаназии («*euthanasia*», греч.: *eu* – хорошо, благородно и *thanatos* – смерть). Этот термин впервые был предложен в XVI в. английским философом Френсисом Бэконом и обозначал легкую, безболезненную смерть, которая не сопровождается длительной тяжелой агонией

и не вызывает физических и моральных мучений для умирающего человека и его близких. В настоящее время общепринятым является понимание эвтаназии как лишения жизни неизлечимо больного человека по его просьбе с целью прекращения его страданий. В России, в соответствии со ст. 45 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан, эвтаназия запрещена.

Вместе с тем, представляется, что причинение смерти неизлечимым больным по их просьбе или с их согласия не исчерпывает перечень всех возможных жизненных ситуаций, в которых такой вред причиняется. В доктрине рассматривались случаи возможного причинения смерти при осуществлении псевдорелигиозных обрядов; медицинских действий, не связанных с лечением заболеваний; сексуальных контактов; экстремальных конкурсов и т.п. В этой связи, представляется необходимым рассмотрение проблемы правовой оценки причинения смерти с согласия или по просьбе лица в более широком, чем эвтаназия, смысле.

Одним из наиболее шокирующих примеров причинения смерти по просьбе потерпевшего лица, не связанного с его эвтаназией, является случай, произошедший в современной Германии. Уголовный процесс по делу Армина Майвеса - специалиста по компьютерам из Ротенбурга, состоялся в земельном суде Касселя в 2003 году.

По данным следствия, в начале 2001 года 42-летний А. Майвес поместил объявление на трех сетевых гомосексуальных чатах, посвященных теме каннибализма. В объявлении Майвес сообщил, что разыскивает «хорошо сложенного человека, согласного стать жертвой каннибала». На призыв откликнулись более 400 человек. Среди них наиболее настойчивым в желании быть съеденным оказался 43-летний житель Берлина, программист компании Siemens Бернд-Юрген Брандес. 10 марта 2001 года Брандес приехал из Берлина в дом Майвеса в Ротенбурге.

По материалам следствия, Армин Майвес с разрешения гостя отрезал Брандесу половой орган, зажарил его с чесноком, и они вместе съели это блюдо. Затем Брандес на протяжении десяти часов умолял Майвеса «отрезать ему еще что-нибудь» и в конце концов убить. В итоге потерпевший потерял сознание от сильной потери крови, и гостеприимный хозяин 18-сантиметровым кухонным ножом совершил его убийство. Сцена убийства и последующего поедания была записана людоедом на видеокамеру, которую затем приобщили к материалам уголовного дела.

После убийства Майвес поцеловал труп, попросил прощения, а затем расчленил тело Брандеса и хранил его части в морозильной камере, снабдив их надписями «вырезка», «филе» и «стейк». В течение нескольких следующих месяцев Майвес съел около 20 кг мяса своей жертвы. Преступника арестовали только в декабре 2002 года. Армин Майвес был признан виновным в убийстве из сострадания и приговорен судом к 8,5 годам лишения свободы. Прокуратура тут же обжаловала решение суда.

В ходе повторного рассмотрения уголовного дела во Франкфуртском суде были проанализированы и учтены дополнительные обстоятельства дела и

исследованы иные аспекты этого преступления. Подсудимому инкриминировали циничную эксплуатацию нестабильного состояния психики жертвы для удовлетворения своих преступных желаний. Суд отметил, что не только жертва, но и людоед участвовал в акте каннибализма ради получения сексуального удовлетворения, так что говорить о «доброте» подсудимого было бы некоторым преувеличением. Кроме того, убив Брандеса, каннибал еще долгое время «нарушал покой умершего», что также является преступлением, и не было учтено при первом рассмотрении дела. Также, как видно на одной из видеозаписей, сделанных самим подсудимым, разделявая тело, он сказал: «Следующий будет не таким жирным». В итоге Армин Майвес был приговорен к пожизненному заключению.

На суде также отмечалось, что в Германии процветает каннибализм, только этого не хотят замечать. По словам самого Майвеса, в стране около 700 его единомышленников. Расследование установило, что Майвес находился в электронной переписке с более чем 200 людей, которые разделяли его фантазии. По крайней мере, пятеро сами явились в гости к каннибалу, говоря о своем желании быть съеденными. До конца пошел только Брандес. Остальных испугавшихся каннибал спокойно отпустил домой.

Приведенный пример иллюстрирует, что в современной действительности возможны ситуации причинения смерти по просьбе потерпевшего лица даже при условии отсутствия невменяемости, как со стороны виновного лица, так и жертвы убийства. Это свидетельствует о наличии в современном обществе не вполне «здоровых» морально-этических представлений о добре и зле, искаженного восприятия ценности и значимости человеческой жизни, как объекта уголовно-правовой охраны. Появляется необоснованная вседозволенность, основанная на увеличивающемся информационном потоке агрессивно-насильственного характера в средствах массовой информации и сети Интернет. Из общей совокупности мотивации виновного лица, причинившего по просьбе потерпевшего смерть, весьма проблематично «вычленить» мотивы сострадания, как доминирующие.

Например, в 2004 году в Ростовской области были осуждены 17-летняя П. (к пяти годам лишения свободы) и 14-летняя Ш. (к 4,5 года лишения свободы) за то, что они задушили 32-летнюю женщину, страдавшую от полученных в результате аварии травм. Согласно материалам уголовного дела, парализованная женщина испытывала сильные боли при любой попытке пошевелиться. Устав мучиться, женщина обратилась за помощью в причинении ей смерти к живущей по соседству 14-летней девочке. Сначала девушки пытались умертвить женщину, введя ей в вену шприцом воздух, однако из-за отсутствия медицинского опыта, в вену они попасть так и не смогли. После этого девушки, по совету заказчицы, задушили ее веревкой. Оплату за убийство они взяли сами в указанном больной женщиной месте в сумме 4750 рублей. Виновные были осуждены по п.п. «в», «ж», «з» ч. 2 статьи 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, совершенное группой лиц по предварительному сговору из корыстных побуждений), так как суд посчитал

доказанной корыстную мотивацию убийства в качестве доминирующей, а сострадание к потерпевшей – в качестве факультативной.

В конце 2007 года в Архангельской области был вынесен суровый приговор мужчине, который лишил жизни пенсионерку по ее же просьбе. Его [осудили](#) на девять лет лишения свободы. Следствием установлено, что в августе 2007 года безработный житель села Красноборск Николай П. договорился с неизлечимо больной 84-летней Софьей Поповой о ее убийстве. Пенсионерка долгое время мучилась от болезни ног. Ранее женщина неоднократно подумывала о самоубийстве, а также обращалась к своим знакомым и родственникам с просьбами лишить ее жизни. За исполнение просьбы женщины мужчине полагался «гонорар» в размере 6 тысяч рублей. В тот же вечер, находясь в состоянии алкогольного опьянения, П. совершил убийство потерпевшей.

Нам представляется недопустимым закрепление в отечественном уголовном законодательстве правомерной возможности причинения смерти человеку с его согласия или по его просьбе. Даже мотив сострадания у причинителя вреда не должен рассматриваться как условие правомерности такого вреда, так как по справедливому замечанию Г.В. Швекова в этом случае проявляются ложно понимаемые, а не действительные принципы гуманизма, так как подлинное человеколюбие и последовательное выполнение заложенного в законе принципа неприкосновенности личности безоговорочно требуют объявления недопустимым, преступным любого случая противоправного лишения жизни другого лица, независимо от того, какими мотивами при этом руководствовался виновный. Лишение человека жизни с его согласия или по его просьбе противоречит морали и интересам нашего общества, подрывает сознание неприкосновенности жизни человека, как высшей ценности, провозглашенной Конституцией РФ.

Из приведенных выше примеров следует, что даже если мотив сострадания имел место при причинении смерти потерпевшему по его просьбе или с его согласия, то, на наш взгляд, его не следует учитывать в качестве конститутивного признака состава такого убийства. Поэтому, нам представляется, что сострадание (при его наличии), безусловно, следует учитывать в процессе назначения наказания за причинение смерти потерпевшему лицу по его просьбе или с его согласия (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ), однако, важнее при этом установить формальный признак – наличие просьбы потерпевшего лица либо его согласия. Данный признак не является условием правомерности причинения смерти человеку в исследуемых обстоятельствах, а должен относиться к признакам превышения пределов правомерности причинения вреда. Его следует рассматривать как конститутивный признак специального состава преступления *«Причинение смерти по просьбе или с согласия лица»*, имеющий смягчающее значение; Особенную часть УК РФ необходимо, на наш взгляд, дополнить соответствующим составом преступления.

Следует признать, что иногда судебная практика дает уголовно-правовую оценку таким действиям по ст. 105 УК РФ, без учета мотива сострадания в качестве смягчающего наказание обстоятельства. Так, в 2008 г. в Свердловской

области был осужден к 10 годам лишения свободы 41-летний Олег М., который совершил убийство своей парализованной «гражданской» супруги Светланой Фандеевой при следующих обстоятельствах.

Следствием было установлено, что за несколько месяцев до убийства в результате полученной травмы у потерпевшей был сломан пятый позвонок, и произошло смещение спинного мозга. Она провела в реанимации три месяца и затем была выписана домой в связи с нецелесообразностью дальнейшего лечения. Супруг все это время не отходил от постели женщины, как мог, старался облегчить ее страдания. «Я не хочу быть тебе обузой! – плакала потерпевшая. - Ты еще молодой, вся жизнь у тебя впереди! Я не хочу до конца жизни быть прикованной к постели, уж лучше умереть...». Потерпевшая умоляла супруга сделать ей последний укол. За несколько дней до смерти у нее начались сильнейшие боли и образовались пролежни. После очередной мольбы М. задушил С. Фандееву. Позже виновный пришел в ОВД с сообщением о явке с повинной. Именно это обстоятельство учитывалось судом в качестве смягчающего при назначении наказания.

Необходимо заметить, что неправомерным может признаваться и иной вред, например, вред половой неприкосновенности лица, не достигшего 16-летнего возраста, когда такое лицо дает согласие на совершение действий сексуального характера. Однако, рассмотрение данного признака в качестве критерия превышения пределов правомерности причинения вреда, представляется излишним в силу того, что противоправность таких вредоносных действий зафиксирована в диспозиции ст. 134 УК РФ.

Вопрос об оценке пределов правомерности причинения вреда здоровью человека с его согласия или по его просьбе следует также решать с учетом общих условий правомерности причинения вреда в рассматриваемых обстоятельствах, так как своим здоровьем лицо может распоряжаться, хоть и в ограниченных пределах. Например, в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья, медицинское вмешательство возможно только с согласия гражданина, который имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения (ст. ст. 30 – 32 Основ).

Вместе с тем, в юридической литературе этот вопрос решается дифференцированно в зависимости от тяжести вреда здоровью. Так, применительно к юридической оценке причинения тяжкого вреда здоровью человека с его согласия или по его просьбе существует ряд точек зрения. Одни специалисты полагают, что такие действия не исключают преступность деяния; другие – что они исключают противоправность; третьи решают этот вопрос, исходя из социальной полезности или вредности цели нанесения тяжкого вреда здоровью.

Последние авторы полагают, что если согласие на причинение вреда здоровью было дано для достижения социально-полезной цели (например, для трансплантации органов или тканей, для проведения научного эксперимента и т.п.), то оно устраняет преступность деяния. Причем, В. В. Орехов считает, что такие же правила следует распространять на случаи причинения средней тяжести вреда здоровью по просьбе или с согласия лица. Причинение легкого вреда

здоровью с согласия лица, по мнению автора, не является преступным в любом случае, так как возбуждение или прекращение такого уголовного дела зависит от самого потерпевшего. Однако, на наш взгляд, установление дополнительных условий правомерности или неправомерности, распространяющихся только на ситуации причинения вреда здоровью человека, нам представляется нецелесообразным.

Одним из условий наступления уголовной ответственности за причиненный с согласия или по просьбе лица вред, является совершение действий (бездействия), запрещенных действующими нормативно-правовыми актами или направленными на достижение противоправной цели. Указанное условие причинения вреда включает в себя два взаимосвязанных аспекта: объективный и субъективный.

Объективный аспект названного условия противоправности причиненного вреда с согласия (по просьбе) лица отражает содержание действий причинителя вреда, не основанных на положениях действующего законодательства РФ либо подзаконных нормативных актах. Это означает, что совершение незаконных действий по просьбе лица или с его согласия, причинивших вред интересам такого лица, во всех случаях не могут признаваться совершенными при обстоятельствах, исключающих преступность такого деяния.

Так, например, просьба женщины о производстве ей аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, с одновременным согласием женщины на возможные негативные последствия для ее здоровья, не освобождают причинителя вреда от уголовной ответственности за незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ); нарушение техники безопасности или иных правил охраны труда, либо требований пожарной безопасности, совершенные с согласия работника предприятия, которые привели к причинению тяжкого вреда здоровью или смерти последнего, следует также рассматривать как преступление (ст. ст. 143, 219 УК РФ).

Субъективный аспект рассматриваемого условия противоправности совершаемых действий означает, что причинитель вреда действует по просьбе лица либо с его согласия, сознавая конечную противоправную цель этого лица (например, цели последующего причинения убытков третьим лицам). Иными словами, необходимо при уголовно-правовой оценке обстоятельств причинения вреда по просьбе или с согласия лица в каждом случае устанавливать не только субъективное отношение причинителя вреда к своим собственным действиям (первичную цель), но и его отношение к целям, которых стремилось достичь лицо, высказавшее такую просьбу или согласие (производная цель). Следовательно, осознание противоправного намерения лица, давшего согласие (просьбу) на причинение вреда причинителем такого вреда, исключает правомерность его действий, которые могут быть квалифицированы как соисполнительство или пособничество в совершении другого преступления или приготовления к нему.

Так, например, причинение вреда здоровью призывнику или военнослужащему по их просьбе в целях их уклонения от призыва на военную службу или от прохождения альтернативной гражданской службы либо с целью

уклонения от исполнения обязанностей военной службы следует рассматривать как преступные действия (ст. ст. 328, 339 УК РФ), так как деяние лица, которому был причинен вред здоровью, было направлено на достижение противоправных целей. Равно как и уничтожение имущества по просьбе собственника с целью получения им страховой премии либо причинение вреда здоровью по просьбе лица для последующего получения пенсии по инвалидности (ст. 165 УК РФ) и т.п.

В соответствии с ч. 3 ст. 1064 ГК РФ «Общие основания ответственности за причинение вреда», в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества.

Таким образом, в настоящее время в следственно-судебной практике существует объективная необходимость выработки четкого механизма реализации уголовной ответственности за вред, причиненный с согласия или по просьбе лица, и более тщательной и понятной правовой регламентации обстоятельств, при которых такие вредоносные действия будут признаваться правомерными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бавсун М. В.* Целесообразность в уголовном праве. Монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2004.
2. *Дубовец П. А.* Ответственность за телесные повреждения. М., 1964.
3. *Жижиленко А. А.* Преступления против личности. М.-Л., 1927.
4. *Капинус О.С.* Легкая смерть или спасение души // Закон. 2005. № 6.
5. *Князев Д.С.* Эвтаназия и ее уголовно-правовая оценка // Российский следователь, 2009, № 16.
6. *Орехов В. В.* Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
7. *Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права. Часть Общая. Преступление. М., 1970. Т. 2.
8. *Савинов А. В.* Причинение вреда с согласия лица или по его просьбе: медицинский, спортивный, гражданско-правовой, научно-экспериментальный и иные аспекты // Уголовное право. 2011. № 4.
9. *Сахаров А. Б.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1996.
10. *Семенов И.С.* К вопросу об этико-правовом статусе эвтаназии в контексте права на жизнь: теория и судебная практика // Адвокат, 2009, № 7.
11. Советское уголовное право. Часть Общая. Л., 1960.
12. *Чернышева Ю.А.* Проблема эвтаназии: с позиции "за" и "против" // Медицинское право, 2008, № 3.
13. *Швеков Г.В.* Первый советский уголовный кодекс. М., 1970.